

Шэнь Сюйбай аккуратно промакивал чистым полотенцем кончики волос Гу Се, промокнувших под дождём. Мальчик послушно задрал головку, снизу вверх глядя на него блестящими, чуть растерянными глазами.

— В школе-то понравилось? — не удержался от улыбки Шэнь Сюйбай.

Гу Се накрыл своими ладонками руку мужчины.

— Дядя, это ты сменил нашего классного руководителя?

Шэнь Сюйбай кивнул.

«Точно покори́л мальчишку», — мысленно упивался собственной неотразимостью он. И прятать скромно свои заслуги вовсе не собирался.

— Я.

Директор этой частной школы приходилась давней приятельницей его матери, так что замена учителя не стоила ему ни малейших усилий.

— Предыдущий классный не особо рвался исполнять обязанности, так что я поступил вполне логично, — Шэнь Сюйбай смахнул каплю дождя со щеки ребёнка. — Мой малыш должен ходить на занятия с радостью.

Сердце Гу Се пропустило удар. Он крепче вцепился в рукав мужчины, не ведая, как выразить переполнявшие его чувства. Лишь спустя пару мгновений едва слышно пробормотал:

— Дядя так добр ко мне.

— И буду добр всегда, — тепло улыбнулся Шэнь Сюйбай.

«Всегда?»

От ласкового, но твёрдого тона молодого человека всё внутри у Гу Се содрогнулось. Он медленно опустил веки, ощущая, как уголки глаз обжигает непролитыми слезами.

Тихий шелест дождя за окном автомобиля успокаивал. Шэнь Сюйбай вернулся к своему занятию, вытирая мокрые пряди мальчика, как вдруг услышал тихий, дотошный расспрос:

— «Всегда» — это сколько?

— Это очень долго.

Гу Се вскинул голову и пристально, в самую душу, посмотрел на него:

— А «очень долго» — это сколько?

— Это много-много лет, — с неисчерпаемым терпением объяснил Шэнь Сюйбай.

Мальчишка и не думал отступать:

— А «много-много» — это сколько именно лет?

Шэнь Сюйбай отложил полотенце. Понимая, насколько остро ребёнок нуждается в чувстве безопасности, он с лёгкой смешинкой проговорил:

— Это всю жизнь. Дядя будет заботиться о тебе всю твою жизнь.

Заботиться всю жизнь...

Услышав этот ответ, Гу Се почувствовал, как из самых глубин его существа поднялась горячая волна, сладостным трепетом отдавшаяся по всему телу. Ребёнок не знал, что это за чувство, но пальцы его сжались на руке Шэнь Сюйбая ещё сильнее.

В памяти невольно всплыл взгляд матери перед самой её смертью.

Взгляд, полный мучительной ненависти, болезненной жалости и глубокого отчаяния.

«Гу Се... Лучше бы мама никогда не производила тебя на свет».

«Это я во всём виновата... Не смогла полюбить тебя на всю жизнь. Прости меня. Выживи. Выживай сам, карабкайся сам... А я просто сделаю вид, будто тебя никогда не рожала».

В больнице, когда приступы боли становились невыносимыми и сознание её туманилось, она без конца твердила эти фразы. По кругу, слово в слово. Казалось, её терзала не столько болезнь, сколько душевная рана, нанесённая тем, кого она любила больше всего.

Она судорожно впивалась пальцами в его маленькую ручонку, вжимаясь ногтями до крови.

«Я ненавижу тебя», — шептала она.

Оказавшись в доме семьи Гу после её смерти, Гу Се часто просыпался по ночам. Он думал о матери, о её предсмертном взоре — одновременно тоскующем и обретающе-покорном, о её неспособности до конца возненавидеть сына и пожирающей изнутри досаде.

И о том, как когда-то она сжимала его в объятиях и шептала, что любит.

Мальчишка смотрел на него так пылко, что Шэнь Сюйбай едва выдерживал этот взгляд. В тёмных зрачках словно полыхал ласковый огонь, заставивший сжаться от нежности и его собственное сердце.

Погладив ребёнка по голове, он пробормотал:

— Ну всё, одевайся скорее, а то простудишься.

— Я тоже буду заботиться о дяде всю жизнь, — чеканя каждое слово, с недетской серьёзностью произнёс Гу Се. — Я хочу остаться с дядей навсегда.

Детский голосок звучал совсем тонко, отчего обещание на первый взгляд казалось лишь наивной шалостью. Кань Цин, сидевший за рулём, не сдержал тихий смешок:

— Молодой господин, вы не сможете всю жизнь жить вместе с дядей.

Слова помощника подействовали на Гу Се как ушат ледяной воды. Посмотрев на отражение Кань Цина в зеркале заднего вида, мальчик хмуро переспросил:

— Это ещё почему?

— И впрямь, почему? — усмехнулся Шэнь Сюйбай. — Что плохого в том, если мой малыш останется со мной на всю жизнь?

Кань Цин мысленно приложил руку к лицу: «Босс, кормите ребёнка несбыточными обещаниями... Смотрите, потом не жалуйтесь, когда придётся расплачиваться».

Шэнь Сюйбай, не замечая немого укора помощника, продолжал усыплять мальчишку сладким елеем:

— Я ведь так люблю своего малыша. Разумеется, мы будем вместе до самого конца.

В груди у Гу Се всё вспыхнуло. Глаза засияли восхищением. В его чистых зрачках отражалось красивое лицо мужчины — взгляд мальчика полнился обожанием и трепетным жаром. Смущение щедрым румянцем залило щёки, а ладони даже слегка взмокли.

Шэнь Сюйбай раззадорился ещё пуще:

— А если мы будем жить вместе, а я не умею готовить? Что тогда?

— Я научусь! — горячо выпалил Гу Се. — Я буду сам готовить для дяди!

— А если дядя разорится и у него не останется денег, чтобы кормить моего малыша?

— Я заработаю очень-очень много денег и отдам всё дяде! — на полном серьёзе заговорил мальчик. — А дядя будет выдавать мне совсем чуточку на карманные расходы.

— А если дядя заболеет и не сможет сам за собой ухаживать? Не посчитает ли мой малыш это обузой?

Личико Гу Се сделалось предельно строгим:

— Если дядя не сможет ходить, я буду носить его на руках, буду купать и кормить с ложечки.

Шэнь Сюйбай слушал его и буквально расцветал. «А ведь не прогадал с воспитанником!» — умилялся он, уже воображая благостную картину сыновней почтительности в собственной старости. И хотя где-то на подкорке понимал, что детский лепет не стоит принимать за чистую монету — вырастет и всё забудет, — настроение поднялось до небес.

— Умница какой, — отвесил он щедрую похвалу.

Уши Гу Се вспыхнули кумачом. Он давал себе молчаливую клятву: он обязательно сдержит каждое слово. Ведь если он станет самым лучшим человеком для дяди, дядя ведь будет любить его всегда?

Тем временем Кань Цин всё сильнее убеждался, что его шеф попросту водит ребёнка за нос. И точно — в следующую секунду Шэнь Сюйбай выудил из кармана смартфон:

— А ну-ка, давай зафиксируем на аудио.

Кань Цин: «...»

Ладно, чем бы босс ни тешился.

Машина плавно скользила по улицам. В честь чьего-то праздника в темнеющем небе вспыхнул и рассыпался яркими искрами фейерверк, озарив благородный профиль Шэнь Сюйбая.

Длинный изящный палец коснулся экрана, запуская диктофон. Наклонившись к мальчику, мужчина улыбнулся с такой неподдельной нежностью, словно само время вокруг замедлило свой ход.

— Я — тот человек, который любит Гу Се больше всех на свете, — произнёс он в микрофон. — А что скажет мой малыш?

Слова Шэнь Сюйбая прозвучали слаще самого изысканного лакомства, отчего Гу Се на миг усомнился в реальности происходящего. Пальчики мальчика вцепились в рукав мужчины с такой силой, что Шэнь Сюйбай опустил взгляд, недоумевая: «Чего это он так впился?»

Однако горящий взор ребёнка льстил тщеславию: «Ну точно, души во мне не чаёт».

— Ну же, малыш? Что молчишь? Не хочешь говорить? Собрался обмануть дядю?

Гу Се полностью сгорел от смущения. Уставившись на бегущую дорожку записи, он долго не мог подобрать слов. Наконец выдал:

— Я... я буду очень добр к дяде.

Шэнь Сюйбай, поддавшись озорству и желанию подразнить краснеющего мальчишку, твёрдо решил сохранить эту милоту на память — чтобы потом показывать взрослым. Он допрашивал ребёнка до тех пор, пока тот не признался во всех своих чувствах и не подтвердил, какой дядя замечательный.

К концу записи Гу Се пылал, точно спелое яблоко.

Шэнь Сюйбай тихо посмеивался, довольный удавшейся проказой. Вскоре, истощённый эмоциями и баловством, Гу Се крепко уснул, так и не выпустив ладонь мужчины.

Мужчина знал, что в последние дни мальчик практически не спал из-за смены обстановки, настороженности к новому опекуну и прошлых травм. Аккуратно ужалив пальцами мягкую щёчку воспитанника, Шэнь Сюйбай блеснул в темноте хитринкой.

«Привыкай, малыш. Доверься мне без оглядки».

Вернувшись в усадьбу и уложив Гу Се спать, Шэнь Сюйбай наконец взял в руки телефон, который разрывался от сообщений в WeChat.

****19:30****

****Фу Тин:**** [Геолокация: Жилой комплекс Ганьвань Юэфу 2-7]

****Фу Тин:**** Го гулять.

****Фу Тин:**** Ты чего такой недоступный? Ответь!

****19:41****

****Фу Тин:****?

****Фу Тин:**** На связи?

****20:00****

****Фу Тин:**** Ну умоляю!

Шэнь Суйбай лениво набрал: «Сижу дома с ребёнком. Не беспокоить».

Экран тут же вспыхнул:

****Фу Тин:**** У тебя появился ребёнок?!

****Фу Тин:**** Аааааааааааа!

****Шэнь Суйбай:**** Угу, обзавёлся отпрыском.

Посчитав спам слишком навязчивым, он отправил приятеля в чёрный список. В последние дни старые знакомые, продавшие душу тусовкам, прознали про его возвращение в страну и одолевали предложениями встретиться. Ему же было банально не до них: завал по работе да ещё и опека над Гу Се.

Поднявшись в кабинет, Шэнь Суйбай открыл документ под названием **** «План подготовки наследника»****.

****[Объект: Гу Се]****

****[Возраст: 11 лет]****

****[Пол: мужской]****

****[Рост: 135 см]****

****[Вес: 33 кг]****

Сверившись со стандартами, Шэнь Сюйбай резюмировал, что мальчик катастрофически недобирает в весе. Значит, завтра придётся устроить новому диетологу небольшой сеанс мягкого давления... Эм, то есть небольшую встряску для повышения рабочей мотивации.

Что касается навыков: занятия саньда продвигаются успешно (раз в неделю), помечаем — * «Навыки: УР»*. Отношения тоже заметно потеплели, пишем — * «Лояльность: УР»*. Решение ключевых проблем подопечного всегда даёт наилучший отклик.

Последним пунктом шла ** «Оценка рисков плана подготовки наследника»**.

Потерев подбородок, Шэнь Сюйбай задумался. Главная неопределённость кроется в успеваемости и физическом развитии. В романе упоминалось, что взрослый Гу Се уступал по комплекции главному герою, Гу Цзычэну, но Шэнь Сюйбай был уверен — всё дело в детском недоедании.

А вот учёба... Шэнь Сюйбай поморщился, глядя на табель за прошлый семестр. До показателей Гу Цзычэна там было далековато.

Он внёс запись: * «По сравнению с главным конкурентом уровень риска составляет не менее 35%»*.

Как подтянуть успеваемость мальчишки?

Шэнь Сюйбай извлёк Фу Тина из чёрного списка. Он вспомнил, что у того есть младшая сестра — года на два старше Гу Се и учится на одни пятёрки.

Фу Тин: Я несчастный пёс, рыдаю навзрыд... Ты даже не представляешь, как мне больно!

Фу Тин:?

Фу Тин отменил отправку сообщения.

Фу Тин: Есть дело?

Шэнь Сюйбай: Прекращай пафос.

Игнорируя тихий хруст разбитого эго на том конце провода, Шэнь Сюйбай спросил про секреты отличной успеваемости сестры. В ответ пришло аудиосообщение:

— Да она у нас всегда отлично училась, мы особо и не лезли. Наверное, генетика!

Шэнь Сюйбай мгновенно набрал: «Тогда есть подозрение, что тебя усыновили».

Фу Тин, чьи успехи в учёбе всю жизнь блекли на фоне Шэнь Сюйбая, снова почувствовал, как рассыпается его самооценка. Проглотив обиду, он смиренно выдал совет:

— Может, у него мотивации нет? Попробуй заманить его гаджетами или игрушками за хорошие оценки.

— Он не играет в игрушки и равнодушен к телефонам, — задумчиво написал Шэнь Сюйбай.

— Серьёзно?! — опешил собеседник. — Он у тебя в завязке, что ли?

— Без понятия, — Шэнь Сюйбай отправил фотографию Гу Се, усердно читающего книгу. — Но меня слушается.

Подумав, что этот снимок не до конца передаёт очарование воспитанника, он сбросил ещё один. Затем полистал галерею и отправил третий. У Гу Се были потрясающие черты лица: огромные глаза с двойным веком, точёный носик — идеальный красавец в миниатюре.

Шэнь Сюйбай с довольной ухмылкой добавил: «Эх, сам воспитал».

Фу Тин, чувствуя себя уязвлённым этой хвастливой демонстрацией, в отместку накидал фоток своей сестры:

— Моя сестрёнка куда милее!

Серия снимков симпатичной девочки разбудила в Шэнь Сюйбае азарт, но, пробежавшись по памяти телефона, он понял, что запасы исчерпаны. Досадно!

Увидев паузу, Фу Тин решил, что одержал верх:

— Зато я могу покупать ей кучу красивых платьев и устраивать фотосессии! Девочек растить куда приятнее, чем пацанов!

Зашёл с козырей.

«Ясно», — невозмутимо парировал Шэнь Сюйбай. — «Слышал, она недавно обозвала тебя недоучкой».

Сердце Фу Тина пронзила острая боль:

«Ты... Ты просто монстр!»

С довольной ухмылкой Шэнь Сюйбай сбросил вызов. Вернувшись к планированию, он всё ещё чувствовал лёгкое задетое тщеславие. Поколебавшись минуту, мужчина открыл приложение Таобао.

Платья, значит? А кто сказал, что мальчикам нельзя носить платья?

<http://bllate.org/book/20125/1993089>